

УДК 338(470)

Г. Н. Макарова*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

«БОРЬБА С ИНФЛЯЦИЕЙ» И ПРОБЛЕМА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СТРАНЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется факт хронического инвестиционного кризиса в реальном секторе российской экономики и рассматриваются основные направления антиинфляционной политики Центрального банка России (ЦБ), которые оказывают сдерживающее влияние на инвестиционный процесс в стране (заниженные объемы денежной массы, не обеспечивающие реальные потребности товарооборота; почти не регулируемый переток вложений из реального сектора в сферу финансовых спекуляций; неработающая функция банковской системы по трансформации сбережений в инвестиции; неопределенность статуса ЦБ и повышенный уровень неопределенности для российских инвесторов; практика массовых закрытий отечественных коммерческих банков и стимулирования притока иностранных; длительное игнорирование возможностей использования эмиссионного способа финансирования инвестиционных процессов в стране). Дается критическая оценка успехов, достигнутых ЦБ в борьбе с инфляцией в период кризиса 2013–2017 гг. Рассматриваются два возможных сценария реорганизации деятельности ЦБ в зависимости от возможных оценок этой деятельности российским государством. Предлагается новая система критериев оценки успешности работы ЦБ в случае, если начнет наконец преобладать объективное восприятие высшими органами государственной власти тех реальных ущербов, которые несут экономика и население страны в связи с устойчивым нежеланием ЦБ допустить оживление инвестиционного процесса в реальном секторе российской экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Инвестиции; инвестиционный процесс; инвестиционный кризис; инфляция; реальный сектор экономики; Центральный банк России (ЦБ); кредит; финансовые спекуляции; неопределенность; конкуренция; эмиссионный способ кредитования; реорганизация.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 15 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 7 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

G. N. Makarova*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

«FIGHT AGAINST INFLATION» AND PROBLEM OF INVESTMENT PROCESS IN OUR COUNTRY

ABSTRACT. The article examines the fact of chronic investment crisis in the real sector of the Russian economy and considers the main directions of anti-inflation policy of the Central Bank of Russia (CB) which exert downward pressure on the investment process in the country (understated amounts of the money supply that do not provide the real needs of the commodity circulation; almost non-regulated spillover from real sector into the financial gambling; non-working function of the banking system in transformation of savings into investments; ambiguity of the CB status and an increased level of ambiguity for Russian investors; mass closing of domestic commercial banks and stimulation of the inflow of foreign ones; lengthy ignorance of possibilities of using emission means of financing investment processes in the country). The article gives acritical estimation of the success gained by CB in fight against inflation during the crisis period of 2013–2017. It examines two possible scenarios of CB activity reorganization depending on possible evaluations of this activity by the Russian government.

© Г. Н. Макарова, 2018

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

KEYWORDS. Investments; investment process; investment crisis; inflation; real sector of economy; Central Bank of Russia (CB); credit; financial gambling; ambiguity; competition; emission means of crediting; reorganization.

ARTICLE INFO. Received April 15, 2018; accepted June 7, 2018; available online June 30, 2018.

Реальные факты прекращения экономического роста, наблюдавшиеся в России в период кризиса 2013–2017 гг., являются, по многим оценкам, следствием не столько антироссийских санкций, сколько внутреннего несовершенства сложившегося в стране институционально-хозяйственного механизма [1; 2]. Одним из наиболее серьезных доказательств и проявлений этого несовершенства следует, на наш взгляд, считать длительный (хронический) инвестиционный кризис в реальном секторе российской экономики. Объемы инвестирования в этом секторе в течение всех лет реформ, как известно, отставали даже от уровня «застойного» 1990-го года [3, с. 7]. К тому же, сокращение этих объемов сопровождалось формированием целого ряда негативных и стратегически опасных для страны изменений в структуре инвестиций (как с позиций отраслевых сдвигов, так и с позиций качественных характеристик основных фондов в реальном секторе экономики) [4; 5].

Немаловажную роль в происшедших негативных изменениях инвестиционного процесса в России играет, на наш взгляд, слабая нацеленность на рост и совершенствование структуры инвестиций денежно-кредитной политики в стране, прежде всего политики Центрального банка России (ЦБ). Данное ведомство, как известно, в течение всего периода реформ в качестве своей главной задачи решает задачу борьбы с инфляцией, причем признает причинами инфляции только монетарные факторы и считает приемлемыми в этой борьбе только монетарные методы. Поскольку главные факторы российской инфляции имеют немонетарный характер, то уровень инфляции в России, несмотря на усилия ЦБ, все равно постоянно и кратно превышает значения этого показателя в абсолютном большинстве других стран. В то же время практические действия ЦБ по подавлению инфляции монетарными методами в течение уже более двадцати лет реально и в макроэкономических масштабах тормозят инвестиционный процесс в стране. Наиболее очевидные для российских экономистов доказательства этого можно, на наш взгляд, проранжировать в следующем порядке.

Во-первых, постоянно искусственно создаваемый и поддерживаемый ЦБ «денежный голод» в стране, т. е. постоянное удержание денежной массы на уровне не более 45–50 % от реальных потребностей товарооборота. Это приводит к постоянному повышенному спросу на заемные средства и, следовательно, к завышению уровня процентной ставки. Банковский сектор при этом получает неоправданно высокие доходы, отечественные предприятия – рост издержек, а инвестиционный процесс естественно, тормозится из-за дороговизны кредитов. Тем не менее линию на сдерживание объемов денежной массы ЦБ проводит даже при очевидно неблагоприятных ситуациях в экономике. Так, в 2014–2015 гг., т.е. когда в России совершенно реально наблюдался серьезный спад, ЦБ еще снизил коэффициент монетизации с 47 до 42 % [6, с. 30].

Во-вторых, постоянная, усугубляемая высокими процентными ставками повышенная привлекательность вложений в банковскую сферу и в финансовые спекуляции по сравнению с вложениями в реальный сектор экономики, не регулируемая должным образом ЦБ. Так, если в 2007 г. финансовые вложения в России превосходили инвестиции в нефинансовые активы в 2,8 раза, то в 2011 г. – уже в 6 раз. Их доля в общем объеме инвестиций в рассматриваемом периоде выросла с 62 до 75,2 % [7, с. 12]. В последующие годы ситуация еще более обострялась.

В-третьих, неумение (или нежелание) ЦБ заняться решением проблемы формирования «длинных денег» в отечественной банковской системе. В результате в течение всех лет реформ устойчиво сохраняется ситуация, когда даже в случаях значительного роста объемов сбережений, накапливаемых в банках, эти средства лишь в ничтожно малой доле используются для стимулирования инвестиционной активности в стране. Так, к 2016 г. в банковской системе России скопилось около 83 трлн р., т. е. сумма активов этой системы превысила ВВП страны и в 6 раз превзошла объем федерального бюджета, и в то же время на вложения в основной капитал предприятий в виде инвестиционных кредитов пришлось лишь 1,1 трлн р., или 6 % от всех инвестиций в экономику страны [8]. Такая ситуация идет вразрез с мировой практикой, т. к. в большинстве ведущих стран банки обеспечивают до 30–50 % от общих объемов производственных инвестиций в своих экономиках [9].

Сложившееся положение ведущие экономисты страны характеризуют как переход банковской системы России на работу «в холостом режиме» [10], поскольку не выполняется главная функция этой системы – трансформация сбережений в инвестиции. Как известно, из-за такой особенности отечественной банковской системы российский бизнес свою объективную потребность в заемных средствах в течение всего периода реформ вынужден был удовлетворять в основном с помощью кредитов западных банков. При этом за периодические повышения рисков такого варианта кредитования (в условиях кризисов и резких падений курса рубля) приходилось расплачиваться фактически всему российскому обществу, поскольку средства для выплат «утяжеляющихся» долгов российских компаний взимались из государственных резервных фондов и бюджета страны. С введением санкций проблема кредитования весьма осложнилась для большинства ведущих предприятий страны, но пока незаметно, чтобы ЦБ нашел (или хотя бы начал всерьез искать) какие-то эффективные пути ее решения.

В-четвертых, склонность ЦБ время от времени (нередко – в самые трудные для экономики страны периоды) отпускать рубль «в свободное плавание» (хотя обеспечение устойчивости отечественной валюты входит в круг его официальных функций). Этим сразу же пользуются спекулянты из разных стран, создавая периодические притоки или резкие оттоки спекулятивных денег в российской экономике. Как следствие, становится особо неустойчивым курс рубля, нарушается стабильность ожиданий инвесторов, и многие из них из-за возросшего уровня неопределенности начинают воздерживаться от инвестиций в реальный сектор или ограничиваются инвестированием в малых объемах и в быстро окупающиеся проекты, т. е. проявляют «инвестиционную близорукость» [11, с. 45]. Не случайно за период реформ в России наиболее высокими темпами растут инвестиции в строительство объектов торговой инфраструктуры. За 2004–2013 гг. суммарный объем основных фондов торговли и общепита вырос в стране более чем в 34 раза и составил около 15 трлн р. В результате по доле торговли и общепита в ВВП страны (21 % в 2014 г.) Россия опередила Германию (10,8 %), Финляндию (12 %), Францию (13,8 %) и целый ряд других стран¹.

В-пятых, неопределенность статуса ЦБ России и зависимость его денежной политики от американского доллара. Как известно, ЦБ России не является фактически государственной структурой в стране и в то же время из-за специфики заложенных первыми реформаторами (и их вдохновителями) правил и норм по ряду позиций определенным образом зависит в своей деятельности от состояния американской экономики, в первую очередь – от доллара США. В результате если

¹ Главная «отрасль» нашей экономики – перепродажа // АиФ. 2014. 27 марта.

государственные центральные банки других стран могут регулировать объемы денежной массы в своих странах в зависимости от состояния их экономик в соответствии с общепринятыми принципами политики «дешевых» или «дорогих» денег, то ЦБ России изменяет объемы денежной массы в стране под влиянием изменений объемов поступлений американской валюты на российский рынок. Это резко снижает возможности российского государства в проведении эффективной политики по целому ряду направлений (например, в плане антициклического регулирования), делает инвестиционный процесс в стране очень уязвимым к различным (случайным и целенаправленным) колебаниям объемов доллара и его курса на внутреннем российском и тем более – на внешних рынках, и, соответственно, также способствует формированию устойчиво повышенного уровня неопределенности для отечественных инвесторов. Как отмечают российские экономисты, в России «В каждом году масштабы эмиссии денег и их прирост в хозяйственном обороте определяются не интересами сфер производства и обращения, а случайным движением цен на мировом рынке нефти, определяющим случайные значения экспортной выручки, объемов скупки и стерилизации валюты, а в конечном итоге – продолжительность «печатания» денег на станке и масштабы их пополнения в хозяйственном обороте» [12, с. 14]. Таким образом, ЦБ России в связи со своим специфическим статусом и изначально заложенными функциями является постоянно присутствующим фактором повышенной макроэкономической неопределенности в стране, своеобразной миной замедленного действия, которая периодически срабатывает с очень тяжелыми последствиями для всей экономики и в первую очередь – для инвестиционного процесса.

Именно с выделенной особенностью ЦБ в общественном сознании россиян связываются некоторые удивительные действия ЦБ типа известного взлета процентной ставки зимой 2014–2015 гг., резкого (более чем двухкратного) обрушения курса рубля (вместо поддержания его стабильности), а также – регулярные переводы в долговые ценные бумаги США части национальных доходов, которые могли бы пойти на внутривнутрироссийские нужды. Даже сейчас, когда США ввели против России санкции, развернули беспрецедентную информационную войну, измышляют все более дикие и нелепые обвинения в адрес руководства страны, ЦБ России исправно продолжает кредитовать американскую экономику. Так, в марте 2017 г. ЦБ отправил в США очередные 13,5 млрд дол. (в дополнение к уже вложенным 100 млрд дол.), т. е. фактически подарил этой стране данную сумму, поскольку для России вероятность возврата этих средств не просто близка к нулевой, а фактически является таковой.

В-шестых, предоставленное государством ЦБ право закрывать по своему усмотрению любые российские банки за любую вину. Этим правом ЦБ в последние годы стал пользоваться так активно, что количество банков в РФ сократилось с 956 в 2013 г. до 530 к осени 2017 г., т. е. почти наполовину. По прогнозам агентства Fitch, в ближайшие 3–5 лет число российских банков еще уменьшится до 300². Инвестиционный процесс в стране от таких действий ЦБ несет целый ряд ущербов. Во-первых, чем меньше будет количество банков, тем ниже вероятность сохранения в российской банковской сфере отношений нормальной рыночной конкуренции, что неизбежно будет провоцировать рост процентных ставок и, соответственно, сделает еще более проблематичным рост объемов производственных инвестиций в стране. В целом сейчас благодаря действиям ЦБ в России количество банков стало в 15 раз меньше, чем в США. Во-вторых, на поддержку российских банков государство уже потратило огромные деньги — 3 трлн р. и, по

² Сколько банков останется в России // Аргументы и факты. 2017. № 45.

оценке Fitch, продолжит тратить на эти цели от 1 трлн р. в год в будущем. Например, к 2017 г. на помощь государственным банкам правительство израсходовало 2 трлн р., в т. ч. непосредственно из бюджета госбанки получили 260 млрд р., из Фонда национального благосостояния – 854 млрд., через госпрограмму докапитализации – 800 млрд р. [13]. В-третьих, возврат вкладов клиентам обанкроченных банков (в пределах до 1,4 млн р.) полагается только для физических лиц, а юридические лица попросту теряют все свои вложения, т. ч. убытки у некоторых компаний составили уже десятки и сотни миллионов рублей, а общие убытки промышленности, связанные с закрытием банков, в 2016 г. оценивались в триллион рублей [14]. Фактически попутно с реализацией благой цели оздоровления банковской среды под руководством и руками ЦБ проводится очередная крупномасштабная кампания по снижению возможностей инвестирования в реальном секторе и перераспределению ограниченных финансовых ресурсов страны в пользу и без того самой богатой сферы российской экономики, работающей, к тому же, все последние годы на приумножение лишь собственных доходов.

Кстати, безжалостно отбирая лицензии у отечественных банков, ЦБ, оказывается, все последние годы активно помогал процессу внедрения в Россию иностранных кредитных организаций. Как отмечается в печати, усилению данного процесса (в том числе путем консолидации активов и недружественных поглощений российских банков иностранными) «способствует инициатива Центрального банка РФ, направленная на упрощение процедуры не только размещения акций банков на публичных торгах, но и процедуры покупки банков, отраженная в Заявлении Правительства Российской Федерации и Центрального банка от 5 апреля 2011 г. «О стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» [15, с. 19]. Можно бы подумать, что ЦБ таким образом заботится о развитии здоровой конкуренции на российском рынке банковских услуг. Но для этого, очевидно, не было необходимости закрывать такое большое количество российских банков, так что пока, по мнению специалистов, увеличение доли иностранных банков на российском рынке привело в основном лишь к росту размеров внешнего долга «как банковского сектора в отдельности, так и всей Российской Федерации в целом» [15, с. 19]. Между тем, в китайском банковском секторе, по оценкам специалистов, доля иностранного капитала составляет лишь 1,7 %, в то время как в России сейчас эта доля формально равна 17 %, а в действительности – лишь около половины [16]. Что же касается развития здоровой конкуренции, то, похоже, в рамках проводимых преобразований ЦБ реализует противоположную цель – усиление тенденций к монополизму в российской банковской сфере. Как отмечается в печати, мощнейшая господдержка идет фактически в первую очередь лишь для одной знаковой структуры банковской деятельности, а именно для Сбербанка, который благодаря этому находится уже «в шаге от того, чтобы монополизировать рынок» [13]. Несомненно укреплению экономической власти Сбербанка будет способствовать и то, что на него одного приходится 54 % прибыли всего банковского сектора России, полученной за 2017 г. Но для развития инвестиционного процесса в стране такие преобразования в банковской сфере очевидно не предвещают благоприятных изменений. Еще до завершения 2017 г. отечественные экономисты, выделяя факт бурного роста объемов прибыли (удвоения за год) в банковском секторе на фоне убыточности до 30–40 % предприятий реального сектора, отмечали: «инвестиций эта прибыль не создает, т. к. полученную прибыль банки выводят, да и наращивают ее не за счет успехов в экономике, а за счет спекулятивного капитала» [3, с. 8]. Напротив, такого рода активность банков расценивается как создание условий «для будущего обвала экономики», поскольку устойчивость банковской системы (как и эконо-

мики в целом) «не может долго достигаться за счет спекулятивных сделок, что наблюдается на текущий момент» [3, с. 8].

В-седьмых, длительное игнорирование ЦБ возможностей использования в необходимых объемах общепринятого в практике развитых стран мира эмиссионного способа финансирования инвестиционных процессов. По мнению ведущих экономистов страны в условиях общих спадов экономической активности, особенно при низких доходах населения и неразвитых финансовых рынках, эмиссия, используемая для целевого финансирования инвестиций, может представлять собой весьма эффективный способ обеспечения ускоренного решения не только общих инвестиционных проблем, но и, главное, проблем усиления инновационной активности в экономике. Как отмечает академик С. Глазьев [10], такого рода эмиссии успешно использовались в мировой практике начиная со второй половины XIX в., и в настоящее время активно применяются ФРС США и европейским ЦБ, помогая соответствующим странам в нужных случаях выделять в необходимых размерах средства на НИОКР, модернизацию инфраструктуры, стимулирование роста объемов инвестиций в освоение нового технологического уклада. В ряде стран (Китай, Индия, а также страны Индокитая) деньги эмитируются под инвестиционные планы экономических агентов в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами. Такая эмиссия при хорошей организации дела не приводит к инфляции, т. к. благодаря ей деньги идут строго по назначению, т. е. именно на решение задач роста объемов выпуска, повышения эффективности производства, снижения издержек, роста доходов частного бизнеса. Как только частный бизнес начинает сам справляться с финансированием инвестиций, центральные банки сокращают (или прекращают) эмиссионные финансирования дефицитов бюджетов или институтов развития. Но если частная инвестиционная активность падает, эмиссионное финансирование опять усиливает инвестиционный процесс в стране. Как отмечает С. Глазьев, «Именно это мы видим сегодня в политике количественного смягчения в США, ЕС, Японии и росте госинвестиций в КНР и Индии» [10].

В России, как известно, с 1 января 1995 г. действовал запрет на использование эмиссионных источников дефицитного финансирования, что в дальнейшем было закреплено ст. 92 БК РФ. С учетом этого финансовые ведомства страны какое-то время пытались обеспечивать решение проблемы бюджетных дефицитов с помощью размещения государственных долговых инструментов, но после известных событий августа 1998 г. эта практика была на длительное время прекращена. Между тем, по оценкам специалистов, государственные мероприятия, профинансированные за счет эмиссионных кредитов, в условиях кризисного состояния инвестиционного процесса в стране могли бы обеспечить наибольший стимулирующий мультипликативный эффект, т. к. в случае эмиссии деньги берутся «из ниоткуда», т. е. не отвлекаются из других источников и за ними нет роста обязательств по их обслуживанию и возврату. Однако для получения таких позитивных результатов (вместо резкого роста инфляции) необходимо обеспечить жесткий контроль за целевым использованием эмитируемых для кредитования инвестиций денег. Но разработка эффективных мер по организации такого контроля будет, очевидно, слишком трудной задачей для современного российского ЦБ, учитывая с каким размахом в последние годы кредиты ЦБ используются коммерческими банками для спекуляций на валютной и фондовой биржах, несмотря на начатую ЦБ, казалось бы, достаточно жесткую чистку в банковской сфере.

По оценкам в печати, масштабы и размах спекулятивных операций отечественных банков на этих биржах сейчас таковы, что напрашиваются сравнения с ситуацией в США накануне Великой депрессии. Там, в 1932 г. из-за чрезмерной

спекулятивной активности банков президент Рузвельт с согласия Конгресса был вынужден на полгода вообще закрыть все 30 тысяч американских банков (со всеми вытекающими отсюда «сбоями» стабильности ожиданий у инвесторов). США для того, чтобы отучить свои банки от чрезмерных увлечений спекуляциями, разграничили функции инвестиционных и коммерческих банков и законодательным путем ввели жесткий запрет коммерческим банкам спекулировать на биржах. (Соответствующий закон был отменен в США лишь в 2000 г., вскоре после чего и последовал известный всем в мире кризис 2008 г.). Но российский ЦБ вместо принятия такого рода эффективных мер, как известно, предпочитает просто закрывать все неудобные ему банки, так что оставшиеся пока в действии «продолжают спекулировать, разоряя вкладчиков и страну»³.

По совокупности всего отмеченного (и многих других особенностей деятельности современного российского ЦБ) не удивительно, что некоторые отечественные экономисты еще в начале нынешнего кризиса следующим образом подводили итоги влияния ЦБ на инвестиционный процесс в стране: «Сопоставление масштабов провалов функционирования российской экономики и потребности в их инвестировании с объемами и структурой реальных инвестиций свидетельствует о полном отсутствии противодействия разрушению народного хозяйства ввиду недейственности инвестиционной политики, парализованной абсурдной денежно-кредитной стратегией» [12, с. 5]. В 2017 г. академик С. Глазьев, подводя итоги деятельности ЦБ только за последние годы кризиса, оценил совокупный ущерб от политики ЦБ в 15 трлн р. недопроизведенных товаров и 10 трлн р. несделанных инвестиций [10]. Именно денежно-кредитную политику ЦБ он выделил в качестве главной причины стагнации российской экономики, прежде всего – хронически низкого уровня накоплений в стране, который сейчас, по его мнению, остается вдвое ниже уровня 1990 г. и в полтора раза ниже уровня, необходимого даже для ее простого воспроизводства [10].

Конечно, справедливости ради нельзя не признать, что ЦБ в последнее время предпринимает некоторые меры, которые можно считать полезными для ускорения инвестиционных процессов в стране. Проведено несколько снижений ключевой ставки, предложены некоторые рекомендации по усилению контроля за бегством из страны банковских капиталов, и с 2015 г. фактически началось использование эмиссионного финансирования (в размере 4,4 трлн р.), хотя и не совсем в инвестиционных целях. В 2017–2018 гг. к заслугам ЦБ стало принято относить также его «успешную борьбу» с инфляцией в стране, однако, как представляется, реальные результаты этой борьбы весьма сомнительны с позиций интересов развития экономики страны. Ведь достижения ЦБ в этой борьбе получены ценой безжалостного торможения инвестиционного процесса, хотя, как известно, низкая инфляция не всегда является индикатором здоровой экономики, в то время как низкая инвестиционная активность очевиднее всего сигнализирует о неблагополучии экономики в настоящем и о перспективах усугубления этого неблагополучия в будущем. Кроме того, реальная инфляция для основной части населения страны намного (кратно) превосходит официальный уровень в 2,5 %. Поэтому фактическим результатом действий ЦБ в борьбе с инфляцией объективнее было бы считать лишь временно приторможенный рост цен с перспективой их неизбежного резкого роста в ближайшем будущем. Только цены будут расти не в связи с ростом платежеспособного спроса со стороны населения, а несмотря на снижение реальных доходов населения на 10 и более процентов. При таком варианте «победы над инфляцией» государство с подачи ЦБ становится объектив-

³ Деньги: back in the USSR? // Аргументы недели. 2017. № 40.

но заинтересованным в сохранении низкой инвестиционной активности в стране и низких доходов у населения. Ведь если реально начнут расти объемы инвестиций, занятость и доходы граждан, то неизбежным будет рост спроса и рост цен, и инфляцию уже при всем желании невозможно будет оценивать в 2,5 %. Соответственно достигнутая «победа над инфляцией» фактически никак не оправдывает тех потерь, которые ради нее несет экономика и население. Она лишь помогает государству экономить на индексациях, т. е. выбираться из кризиса за счет фактических недовыплат пенсий пенсионерам и заработной платы бюджетникам (вместо того, чтобы хоть немного компенсировать им тот ущерб, который они несут из-за искусственного торможения ЦБ инвестиционного процесса в стране).

Если принять во внимание все отмеченное выше, то представляется несомненным, что деятельность ЦБ нуждается в серьезной реорганизации. В качестве первого и главного шага, было бы логичным предположить изменение современного неопределенного статуса ЦБ на статус государственного учреждения, по типу, например, Народного Банка Китая. Этот банк является полностью государственным и работает под непосредственным контролем государства, не создавая экономике и населению проблем ни с наличием денег в обороте, ни со спекулятивными отвлечениями, обеспечивает стабильность юаня на внутреннем и внешнем рынках, способствует успешному продвижению юаня на роль одной из ведущих мировых резервных валют. Основная причина длительного сохранения ЦБ в качестве полугосударственной структуры связывается обычно с невозможностью осуществления необходимых преобразований без изменения положений Конституции РФ, а эти положения должны оставаться неизменными как залог устойчивости страны. Однако есть широко известная мировая практика поправок к различным статьям Конституций разных стран, т. к. для любой страны содержание Конституции не может оставаться неизменным на все времена, особенно в современный период непрерывных и бурных изменений в мировой политике, экономике и идеологии.

Вопрос об изменении статуса ЦБ, конечно, очень важен, однако есть и другие страны, где центральные банки не являются государственными, и тем не менее вполне успешно действуют, не принося серьезных ущербов интересам соответствующих стран. Поэтому проблема реорганизации ЦБ в России является, очевидно, не столько проблемой изменения статуса и характера деятельности самого ЦБ, сколько проблемой степени соответствия этой деятельности интересам современного российского государства. Если степень соответствия оценивается государством как достаточно высокая, то вопрос о реорганизации ЦБ не будет даже предметом каких-либо особых обсуждений на высшем уровне. В лучшем случае будет проведен «косметический ремонт», т. е. немного (хотя бы внешне) сдержана активность ЦБ в проведении курса на торможение инвестиционных процессов в реальном секторе (или создана видимость такого сдерживания). Этот вариант перспектив для российского ЦБ вполне реалистичен. За него говорит сама длительность периода (почти четверть века), в течение которого высшие органы власти и управления России не только вполне «мирятся» с политикой ЦБ, но время от времени даже выражают одобрение его действиям. (Признаком одобрения можно, очевидно, считать и самый высокий размер официальной заработной платы главы ЦБ (2,2 млн р. в месяц), в среднем втрое превышающий размеры официальных зарплаток остальных министров федерального правительства страны).

Для прекращения политики ослабления реального сектора и ведущих отраслей, связанных с развитием «человеческого капитала», безусловно потребуются реорганизация деятельности ЦБ, от идеологических позиций до практических действий. В этом случае, как представляется, целесообразно было бы прежде всего реально поставить ЦБ перед фактом качественных изменений главных *крите-*

риве оценки успешности его действий, четко выделяя следующие: достигнутая в том или ином периоде степень оживления инвестиционного процесса в ведущих обрабатывающих отраслях и отраслях, связанных с развитием «человеческого капитала»; степень сокращения оттоков банковских капиталов на спекулятивные финансовые рынки; степень расширения в банковской системе круга банков, обслуживающих не только крупные, но и малые и средние предприятия и организации, и граждан, проживающих в небольших городах и сельской местности, а также степень доступности и удешевления основных банковских услуг; успешность усилий по сохранению устойчивости курса рубля и уровня цен в стране; прекращение практики размещения российских резервов в ценных бумагах США (без достаточных для этого оснований); достигнутые успехи в деле расширения путей, форм и способов сотрудничества с мировой финансовой системой, но с максимальной открытостью и с учетом прежде всего интересов России, а не мировой финансовой власти.

Список использованной литературы

1. Нешиной А. Макро-мезоуровневая оценка промышленного потенциала России / А. Нешиной // Инвестиции в России. – 2017. – № 6. – С. 16–26.
2. Лабзунов П. Выход из кризиса — модель управляемой экономики / П. Лабзунов // Инвестиции в России. – 2017. – № 3. – С. 12–17.
3. Сухарев О. С. Современное состояние промышленности: перспективные направления развития / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2017. – № 8. – С. 3–13.
4. Сухарев О. С. «Инновационная экономика»: старые и новые технологии / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2017. – № 1. – С. 3–10.
5. Сухарев О. С. Инвестиции: институциональные и структурные решения / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2017. – № 12. – С. 3–6.
6. Сухарев О. С. «Извращенный монетаризм» будет диктовать экономическую стратегию развития России? / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2017. – № 6. – С. 27–35.
7. Дасковский В. Б. Инвестиции — главный мотор экономического роста и развития / В. Б. Дасковский, В. Б. Киселев // Инвестиции в России. – 2014. – № 3. – С. 3–15.
8. Аганбегян А. Деньги есть! / А. Аганбегян // Аргументы и факты. – 2016. – 19 окт.
9. Аганбегян А. Запланируем рост. Как направить бюджет на развитие? / А. Аганбегян // Аргументы и факты. – 2016. – 16 нояб.
10. Глазьев С. Почему не растет российская экономика: порочный круг монетарной политики мы проходим уже четвертый раз / С. Глазьев // Аргументы недели. – 2017. – 29 июня.
11. Розмаинский И. В. Размышления о капитализме, инновациях и динамизме в постсоветской России / И. В. Розмаинский, А. В. Ложникова // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т. 6, № 4. – С. 32–50.
12. Дасковский В. Б. Институциональная реорганизация, обеспечивающая развитие экономики / В. Б. Дасковский, В. Б. Киселев // Инвестиции в России. – 2014. – № 4. – С. 3–19.
13. Терентьев Д. Доза обновлений / Д. Терентьев // Аргументы недели. – 2017. – 28 дек.
14. Павлов А. Новый виток банкоста / А. Павлов // Аргументы недели. – 2017. – 28 сент.
15. Делягин Д. Станет ли Кудрин новым Керенским, а Навальный — новым Гонгадзе? / Д. Делягин // Аргументы недели. – 2017. – 27 апр.
16. Кудряшов В. С. Прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации (на примере банковской сферы) / В. С. Кудряшов, Е. В. Тетерева // Инвестиции в России. – 2016. – № 2. – С. 16–21.

References

1. Neshitoy A. S. Macro-meso-level assessment of the industrial potential of Russia and opportunities for its revival. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 6, pp. 16–26. (In Russian).
2. Labzunov P. P. Out of the crisis - model of the managed economy. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 3, pp. 12–17. (In Russian).

3. Sukharev O. S. Current state of industry: perspective directions of development. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 8, pp. 3–13. (In Russian).
4. Sukharev O. S. “Innovative economy”: old and new technologies. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 1, pp. 3–10. (In Russian).
5. Sukharev O. S. Investment: institutional and structural solutions. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 12, pp. 3–6. (In Russian).
6. Sukharev O. S. «Perverted monetarism» will dictate the economic development strategy of Russia. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2017, no. 6, pp. 27–35. (In Russian).
7. Daskovskiy V. B., Kiselev V. B. Investments - the main motor of economic growth and development. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2014, no. 3, pp. 3–15. (In Russian).
8. Aganbegyan A. There is money! *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2016, October, 19. (In Russian).
9. Aganbegyan A. Let us plan the growth. How to direct the budget to development? *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2016, November, 16. (In Russian).
10. Glaz'ev S. Why the Russian economy is not growing: we're passing the vicious circle of the monetary policy for the fourth time. *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2017, June, 29. (In Russian).
11. Rozmainsky I. V., lozhnikova A. V. Thinking about capitalism, innovation and dynamics in post-soviet Russia. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of institutional studies*, 2014, vol. 6, no. 4, pp. 32–50. (In Russian).
12. Daskovskiy V. B., Kiselev V. B. The institutional reorganization providing economy development. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2014, no. 4, pp. 3–19. (In Russian).
13. Terent'ev D. A dose of renewals. *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2017, December, 28. (In Russian).
14. Pavlov A. A new convulsion of bankfall. *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2017, September, 28. (In Russian).
15. Delyagin D. Will Kudrin become a new Kerensky and Navalny – a new Gongadze? *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2017, April, 27. (In Russian).
16. Kudryashov V. S., Tetereva E. V. Direct foreign investments in the Russian Federation (by the example of the bank sphere). *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, 2016, no. 2, pp. 16–21. (In Russian).

Сведения об авторе

Макарова Галина Николаевна – доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: makgn1940@mail.ru.

Author

Galina N. Makarova – Doctor habil. in Economy, Professor, Chair of Economic Theory and Institutional Economics, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, e-mail: makgn1940@mail.ru.

Для цитирования

Макарова Г. Н. «Борьба с инфляцией» и проблема инвестиционного процесса в стране / Г. Н. Макарова // *Baikal Research Journal*. — 2018. — Т. 9, № 2. — DOI: [10.17150/2411-6262.2018.9\(2\).3](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(2).3).

For Citation

Makarova G.N. «Fight against Inflation» and Problem of Investment Process in Our Country. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. DOI: [10.17150/2411-6262.2018.9\(2\).3](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(2).3). (In Russian).